

Владимир Харитонович Василенко (каким я его помню)

А. А. Шептулин (Москва)

Чем дальше в прошлое уходит жизнь Владимира Харитоновича Василенко, тем чаще вспоминаются счастливые минуты общения с ним, его поучительные обходы, меткие высказывания, остроумные выражения. 11 лет, проработанных в клинике, возглавлявшейся В. Х. Василенко, участие в его обходах, личные беседы с ним вызывают желание поделиться с читателями, особенно молодыми врачами, уже не заставшими в живых Владимира Харитоновича, своими воспоминаниями об этом замечательном человеке.

Внешний облик Владимира Харитоновича был достаточно характерным. В молодости и даже среднем возрасте он был высоким, стройным, подтянутым мужчиной (таким он выглядит на фотографиях того времени). В 1976 г., когда я поступил в клиническую ординатуру на кафедре пропедевтики внутренних болезней, Владимир Харитонович был уже достаточно грузным пожилым человеком. Лицо его было иссечено глубокими морщинами. Несколько поредевшие волосы, гладко зачесанные назад, оставались у него темными до конца жизни и практически не поседел (признак долголетия).

Говорил Владимир Харитонович неторопливо, при разговоре часто энергично жестикировал правой рукой, как бы желая подчеркнуть важную для него мысль. Соглашаясь с собеседником, он нередко произносил слово "добре", а иногда и слегка присвистывал, если реплика собеседника вызывала у него удивление.

Владимир Харитонович очень любил свежий воздух. Даже в морозные дни окно в его кабинете часто бывало приоткрытым. Одевался он достаточно легко и нередко уже в холодное время года мог прийти на работу в легком плаще и кепке.

В кабинете Владимира Харитоновича, довольно просторном (при проведении каких-то мероприятий, например заседания президиума Всесоюзного научного общества гастроэнтерологов, он мог вместить 30–35 человек), не было никаких дорогих предметов и украшений, за исключением, пожалуй, больших старинных часов. Стол, за которым работал Владимир Харитонович, всегда был в идеальном порядке. На нем никогда не скапливались стопки книг, бумаг, рукописей. Обычно там находились лишь подставка с карандашами, да отрывной календарик, на котором Владимир Харитонович, уточняя в разговоре какие-то детали, часто делал необходимые для себя пометки.

Последняя запись в этом календаре датирована 31 августа 1987 г. и касалась дел, которыми Владимир Харитонович собирался заняться 1 сентября (к этому времени Владимир Харитонович, отметивший свое 90-летие, перешел уже на должность профессора-консультанта, но продолжал по-прежнему часто бывать в клинике). Так случилось, что этот день оказался для него последним рабочим днем в его жизни. Вечером Владимир Харитонович, находясь дома, случайно упал, в результате чего у него произошел перелом шейки бедра. Через 4 мес Владимира Харитоновича не стало.

Мне довелось достаточно тесно общаться с Владимиром Харитоновичем уже в первый год своего обучения в клинической ординатуре, когда на меня были возложены обязанности лекционного ассистента. К лекциям Владимир Харитонович готовился очень тщательно. Предварительно он всегда смотрел больного, которого собирался демонстрировать на лекции, подробно расспрашивал его, знакомился с анализами. Перед началом лекции я часто за-

ставал Владимира Харитоновича, просматривающим какие-нибудь французские, английские или немецкие руководства по терапии.

Лекции Владимир Харитонович читал довольно своеобразно, и студентам, привыкшим к тому, чтобы все раскладывалось "по полочкам", часто было трудно привыкнуть к нешаблонному изложению лекционного материала. Он нередко как бы уходил в сторону от темы лекции, мог порассуждать о содержании той или иной оперы, продекламировать какую-то строфу из стихотворения, рассказать что-нибудь из мифов Древней Греции.

К студентам Владимир Харитонович относился очень уважительно, как к равным, без малейшей доли снисходительности, хотя и не без свойственного ему юмора. Он, например, шутил, что патогенез язвенной болезни знают только студенты, потому что, добавлял он, когда студента спрашиваешь на экзамене, знает ли он патогенез язвенной болезни, студент отвечает: "Знал, но забыл".

Экзамены Владимир Харитонович также принимал достаточно своеобразно. Ставил он чаще всего пятерки, но мог поставить и двойку. Экзаменовал он быстро и редко спрашивал целиком все вопросы билета. Если студент не знал ответа на заданный вопрос, отвечать вместо него приходилось порой его преподавателю. Студенты, даже хорошие, попав на экзамене к Владимиру Харитоновичу, нередко бывали "не в своей тарелке", нервничали, робели и отвечали иногда значительно хуже своих потенциальных возможностей. В таких случаях преподаватели, стремясь помочь и поддержать студентов, не жалели обычно хороших слов в их адрес. Такие потоки похвальных слов Владимир Харитонович прерывал обычно с наигранной строгостью репликой: "Вы что, адвокат?".

Педагогический процесс занимал, по-видимому, едва ли не ведущее место во всей многогранной деятельности Владимира Харитоновича. Об этом свидетельствуют, в частности, написанный им учебник "Внутренние болезни" для учащихся медицинских училищ, выдержавший еще при жизни Владимира Харитоновича 14 изданий, подготовленный под его руководством учебник "Пропедевтика внутренних болезней" для студентов медицинских институтов. Владимир Харитонович внимательно следил за всеми новыми учебниками по терапии, издаваемыми для высшей школы. Даже такие монографии, как "Врачебный прогноз" (1982 г.) и "Введение в клинику внутренних болезней" (1985 г.), написанные им уже в последние годы жизни, обращены в первую очередь к студентам и молодым врачам. Эти монографии можно было бы назвать своеобразным завещанием Владимира Харитоновича, в котором он, как бы подводя итог своей многолетней деятельности, делится мыслями о методологии диагноза, общих концепциях лечения, особенностях прогноза, т. е. обо всем том, что он называл основами врачевания.

Удостоенный при жизни многих почетных званий и титулов, Владимир Харитонович отличался простотой в общении, мягким и ровным отношением к окружающим. Когда он был в клинике, в кабинет к нему можно было пройти совершенно свободно. Независимо от того, кто входил к нему в кабинет — профессор, врач или санитарка, Владимир Харитонович прежде всего предлагал посетителю сесть и никогда не начинал разговор до тех пор, пока собеседник не сел. Он никогда не отказывал в просьбе своим сотрудникам, если только ее выполнение зависело от него. Когда Владимир Харитонович проводил заседание президиума Всесоюз-

ного научного общества гастроэнтерологов или редколлегии журнала "Клиническая медицина", на столе в его кабинете всегда стоял самовар и были расставлены тарелки с бутербродами. Он прекрасно понимал, что люди могут приехать прямо с работы, не успев предварительно пообедать.

Его часто приглашали на консультации в 4-е Главное управление. Сам он, кстати, не любил об этом распространяться и никогда не "щеголял" фамилиями тех, кого ему приходилось осматривать. В клинике Владимир Харитонович смотрел не наиболее высокопоставленных пациентов, а наиболее тяжелобольных и с трудными для диагностики заболеваниями.

Владимир Харитонович был нетерпим к лицемерию, лжи, фальши, непорядочным поступкам. Его всегда раздражала халтура в научных исследованиях, и он моментально распознавал ее. Огромное впечатление производило то, как сам Владимир Харитонович работал с монографиями. Как-то мне попался на глаза том переводного руководства по гастроэнтерологии Дж. Х. Барона, уже побывавший в руках Владимира Харитоновича и прочитанный им. На полях руководства рукой Владимира Харитоновича во многих местах карандашом были сделаны пометки, замечания, уточнения. А ведь Владимиру Харитоновичу к моменту выхода этого руководства было уже 87 лет! Сам исключительно добросовестный в работе, он требовал такой же добросовестности и от других.

Незабываемое впечатление у всех, знавших Владимира Харитоновича, оставляли его клинические обходы. В отличие от многих клиницистов, которые часто специализируются в каких-то определенных областях терапии, Владимир Харитонович как клиницист был одинаково силен во всех без исключения разделах внутренней медицины.

Несмотря на то что Владимир Харитонович консультировал больных в клинике достаточно часто, каждый его приход в отделение был событием для сотрудников. Все врачи, клинические ординаторы, аспиранты, научные сотрудники, работавшие в отделении, оставляли в таких случаях свои дела и присоединялись к обходу.

К обходам Владимира Харитоновича всегда очень серьезно готовились. Лечащий врач больного тщательно оформлял температурный лист, аккуратно выписывал туда результаты анализов, подчеркивая красным карандашом выявленные в них изменения. Зная, какое большое внимание уделял Владимир Харитонович субъективным данным, обязательно уточнялся, детализировался и выписывался на отдельные листы анамнез заболевания.

Во время своих обходов Владимир Харитонович никогда не топилился, прекрасно понимая их значение не только для больных, но и для присутствовавших на обходе молодых врачей. Даже на стул рядом с кроватью больного он садился с видимой основательностью, как бы давая понять, что он никуда не спешит. Анамнез заболевания, который докладывался лечащим врачом, Владимир Харитонович слушал очень внимательно, не прерывая и не перебивая, и лишь затем уточнял у врача или больного какие-то заинтересовавшие его моменты.

Методами непосредственного исследования больного Владимир Харитонович владел настолько блестяще и виртуозно, что мы, молодые врачи, следили во время обходов за его действиями, застав дыхание, как завороженные. Владимир Харитонович был одним из немногих, кто, например, владел перкуссией по методу Образцова. Пальцы его при этом двигались исключительно быстро, и создавалось впечатление необычайной легкости, с которой проводил он исследование. Звук к тому же получался очень отчетливым и достаточно громким. В конце своей жизни, когда из-за болезни суставов Владимиру Харитоновичу уже было трудно использовать классический метод, он придумал оригинальный способ перкуссии с помощью обычных щелчков, наносимых тыльной стороной ногтевой фаланги среднего пальца.

Интересно было также наблюдать за тем, как Владимир Харитонович проводил пальпацию живота. В технике ее выполнения Владимиру Харитоновичу просто не было равных. Кисть его была очень крупной, так что пальпацию живота он проводил лишь двумя согнутыми пальцами (указательным и средним). При этом движения Владимира Харитоновича были настолько уверенными, что у присутствующих складывалось почти физическое ощущение, как его пальцы "переваливаются" через тот или иной отрезок кишки, огибают край печени, селезенки.

Владимир Харитонович не считал анализ выделений больных уделом только врачей-лаборантов. Когда он, например, консультировал больного с заболеванием легких, то всегда сам оценивал характер мокроты; когда он смотрел больного с желтухой, то всегда просил показать ему мочу пациента.

Если больной, которого консультировал Владимир Харитонович, находился в общей палате, то, чтобы его соседи не чувствовали себя обделенными, Владимир Харитонович обычно, хотя бы на короткое время, подходил и к остальным пациентам, интересуясь, с какими заболеваниями они находятся в клинике, насколько успешно проходит лечение и т. д.

Последующее после обхода обсуждение больных проводилось в коридоре, а чаще всего – в ординаторской. Владимир Харитонович внимательно выслушивал точку зрения каждого, оценивал все "за" и "против" в отношении того или иного диагноза, но оставлял за собой последнее слово. Он очень строго подходил к используемой во время обсуждений терминологии. Однажды врач, характеризуя изменения в анализах кала, стал перечислять: "жир, крахмал, мыла...", – на что Владимир Харитонович буркнул: "Еще керосин – и будет, прямо как в бакалейной лавке" (имея в виду, что лучше пользоваться терминами "стеаторея", "амилорея" и т. д.).

Благодаря своему громадному опыту и тонкой наблюдательности Владимир Харитонович, обследуя больного, видел порой значительно больше других. Как-то на обходе он смотрел пациента, молодого человека, у которого явно определялось одностороннее увеличение шейных лимфатических узлов. Когда Владимира Харитоновича попросили обратить внимание на шею больного (имея в виду увеличенные лимфатические узлы), он, кивнув головой, неожиданно для всех ответил: "Да, я вижу. Воронник Стокса". Нужно сказать, что никакого сколько-либо заметного отека лица, шеи и верхнего плечевого пояса не было. Просто Владимир Харитонович обратил внимание на то, что шея пациента не выглядела такой тонкой, как это можно было ожидать на фоне общего исхудания больного. Выявление в такой ситуации возможного увеличения у больного лимфатических узлов средостения (что впоследствии было подтверждено) имело для Владимира Харитоновича гораздо большее диагностическое значение, чем констатация очевидного увеличения лимфатических узлов шеи.

Портрет Владимира Харитоновича был бы, наверное, неполным без упоминания о его многочисленных интересах и увлечениях, которые выходили далеко за пределы медицины.

Он много читал и очень хорошо разбирался в сложных философских проблемах. Как-то в разговоре он спросил у меня, не философ ли мой отец, и, когда я ответил утвердительно, оказалось, что он читал некоторые его работы по диалектике. Иногда он обращался с просьбой принести ему те или иные книги по истории философии. В частности, его интересовали труды русских философов и историков конца прошлого и начала нынешнего столетия. В своих работах Владимир Харитонович упоминал Аристотеля, Бэкона, Канта, Гегеля и других крупнейших философов. Великолепно зная историю медицины, он часто цитировал Гиппократов, Галена, Авиценну, М. Я. Мудрова, С. П. Боткина, Н. И. Пирогова, И. П. Павлова, Г. А. Захарьина, В. П. Образцова и других корифеев медицины.

Владимир Харитонович глубоко знал и любил художественную литературу. В своих работах он цитировал Эсхила, Монтеня, Гете, в разговоре приводил строчки из произведений А. С. Пушкина, реплики героев "Ревизора" и "Мертвых душ" Н. В. Гоголя, обращался к подробностям биографии Л. Н. Толстого.

При всем том Владимир Харитонович был очень веселым человеком, любил и ценил шутку, юмор, мог рассказать какие-нибудь смешные истории из украинской народной жизни. Его остроумные выражения быстро распространялись по клинике и нередко бывали на устах у сотрудников. Часто за шуткой он пытался скрыть ощущение неловкости, которое у него возникало, когда, например, начинали превозносить его заслуги.

Владимир Харитонович остался в памяти как человек большой личной скромности. Он никогда не говорил о своих заслугах или наградах (хотя и тех и других у него было, действительно, немало). Удостоенный при жизни многих орденов и медалей, он их практи-

чески никогда не носил и лишь во время особенно торжественных мероприятий и больших праздников прикреплял к лацкану пиджака звезду Героя Социалистического Труда.

Владимир Харитонович оставил после себя яркий след в медицине, его имя произносится сейчас наравне с именами Д. Д. Плетнева, М. П. Кончаловского, А. Л. Мясникова, Е. М. Тареева. Он вошел в историю как выдающийся ученый, разрабатывавший новые направления в медицинской науке, блестящий клиницист, великолепно ориентировавшийся в диагностически сложных случаях, замечательный педагог, воспитавший не одно поколение врачей.

Владимир Харитонович оставил неизгладимый след в памяти всех, кто его знал, и как человек, беззаветно любивший свою страну и свой народ, никогда не вступавший в сделку со своей совестью и не совершивший никаких сомнительных поступков за спиной других и в ущерб другим, до конца и с честью выполнивший свой гражданский долг.

